

А ИСПОЛНЕНИЕ роли В. И. Ленина в спектакле Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина «Между ливнями» народный артист СССР В. И. Честноков выдвинут на соискание Ленинских премий.

Корреспондент «Литературной России» Людмила КАФАНОВА рассказывает о своих беседах с В. И. Честноковым, посвященных его работе над образом и великим образом.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ — НА ПУТЯХ К ОБРАЗУ

— Вам Владимира Ивановича Честнокова? Он на репетиции.

— А когда освободится?

— Репетиция закончится в три часа. И сразу же начнется заседание художественного совета. Продлится оно не дольше часа, но потом Владимир Иванович поедет в Смольный...

Я уже знала, что Честноков по утрам репетирует, по вечерам играет. Он член обкома КПСС, член партбюро театра, заместитель председателя ВТО, шеф Народного театра города Выборга. Он вечно озабочен чужими делами, кому-то помогает, о ком-то хлопочет. Свободной минутки у него нет, а поговорить мне с ним необходимо. И я решаюсь — встречаю артиста у театрального подъезда.

...Зимой день уходит рано. К четырем часам серый, насыщенный туманом ленинградский воздух вдруг окрасился бледно-лиловым предвечерним светом, сделался холоднее и прозрачнее. Деревья в Екатерининском садике перед театром оделись в белые инеевые шубы. Четче и резче обозначились силуэты зданий на строгой и прекрасной улице Зодчего Росси.

Владимир Иванович, высокий и стройный, в коротком полупальто, в меховой шапке, надвинутой на брови, кажется совсем молодым, хотя на самом деле ему уже больше шестидесяти. У него легкая, летящая походка, низкий звучный голос и какая-то удивительная по своей чистоте и красоте дикция.

— Однажды, еще учеником театральной школы, — говорит Владимир Иванович, — я шел по этой улице, мимо нашего театра, который тогда назывался Александринским, и думал: «Когда-нибудь я сыграю здесь главную роль». Тогда я сам испугался своей дерзости и отогнал прочь «наваждение». А вот прошли годы, и я действительно сыграл свою главную роль — Владимира Ильича Ленина.

Мы вышли на Невский, и Владимир Иванович, не дожидаясь вопросов, продолжал:

— Первое предложение сыграть Ленина было сделано мне еще в 1937 году. В Театре имени Ленинского комсомола, где я тогда работал, репетировали пьесу Н. Погодина «Человек с ружьем». Над образом Ленина работал артист Е. Альтус. В разгаре репетиций узнаю, что вторым исполнителем на роль Ленина назначен Честноков. Скажу откровенно, известие это привело меня в замешательство: я был уверен, что ни по возрасту, ни по внешности я не подхожу для роли Ленина. Мучимый сомнениями; неверием в себя, я потерял сон. Но так же внезапно, как родилась эта идея у режиссера, он отказался от нее. Я с облегчением вздохнул и тут же... огорчился. Дело в том, что я уже начал обдумывать роль, вживаться в нее. С тех пор сыграть Ленина стало моей мечтой. Однако прошло еще двадцать лет, прежде чем мечта моя осуществилась.

Произошло это уже в Театре имени Пушкина. Театр принял к постановке пьесу А. Каплера «Грозовой год». Роль Ленина поручили мне.

К тому времени была уже создана внушительная кино-Лениниана. Мы с режиссером А. Даусоном начали с того, что просмотрели все художественные фильмы о Ленине. Я необычайно высоко ценю работы Б. Шукина и М. Штрауха. Но тем не менее мы решили: будем идти своим путем, будем искать сами.

Объектом изучения стали для нас фотографии Ленина, кадры кинохроники, графофонные записи, его произведения, письма, записки, заметки, воспоминания людей, знавших Ильича...

В жизни, как видите, я вовсе не похож на Владимира Ильича. У Ленина глаза широко расставленные, с прищуром. У меня же глаза посажены близко, к тому же лицо длинное и узкое. Можно, конечно, наклеить наклейки, наложить густой слой грима и добиться абсолютного портретного сходства. Но лицо при этом будет мертвым. А надо, чтобы грим вплетался в живые мышцы

лица актера. К этому и стремился талантливый художник-гример В. В. Горюнов. Он подклеил мне веки, высветлил скулы, подтянул шелковой ленточкой нос. Нижнюю часть лица скрыла борода. В общем, сходства как будто достигли. В этом гриме я даже снимался в кино — в фильме режиссера Сергея Васильева «В дни Октября».

«Своим» должен стать и костюм. Принесли его из мастерской новенький, что называется, «с иголки». Ну, а в новом костюме человеку всегда как-то неуютно. Вот и стал его обживать, носил этот темно-синий костюм старомодного покроя, ботинки «бульдожки» и дома, и в театре, и на улице, и в гостях...

С самого начала работы над ролью я понял, что не добьюсь успеха, если буду подражать Ленину, копировать его. Я добивался, чтобы жесты, манеры, движения возникали непринужденно, в зависимости от ситуации. Для этого мне необходимо было понять природу ленинских жестов.

Я рассуждал так: Ленин очень много выступал публично. Чтобы донести свою мысль до слушателя, ему приходилось подчеркивать, усиливать ее жестом. Помните, как сказано у Горького: «Подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл». Эта привычка постепенно проникала и в бытовые разговоры. Однако Владимир Ильич понимал, что жестиковать не всегда удобно, и

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ — «МЕЖДУ ЛИВНЯМИ»

Зрительный зал бывшего Александринского театра. Над партером, который именуется по-старинному «креслами», поднимаются пять украшенных золотой лепкой ярусов. На расписном потолке переливается огнями хрустальная люстра. В таком нарядном чопорном зале ждешь и представления торжественного, чинного.

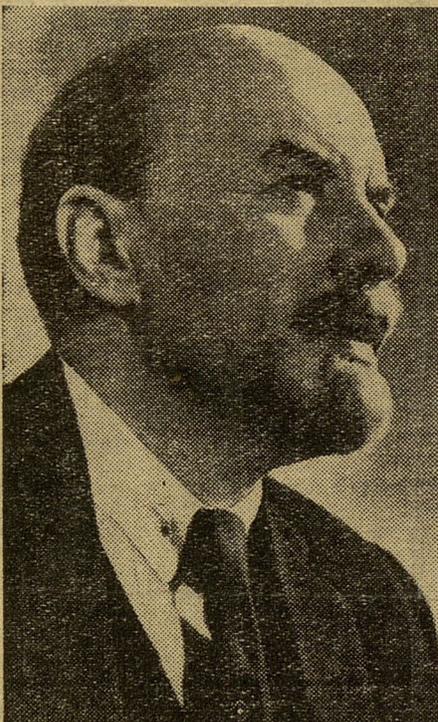
Но раздвигается занавес, и мы видим ноздреватый, вздувшийся лед залива, крепость, ошметнившуюся грозными жерлами пушек. Звенят залихватские частушки в перебивку с грустным романсом. Перемешались тельняшки, бушлаты, обмотки, пышные туалеты, шитые золотом мундиры. Тоска и отчаяние столкнулись с холодным расчетом, любовная страсть переплелась с ненавистью и враждой. И вся эта неразбериха носит название, состоящее из двух жестоких и страшных слов: «Кронштадтский мятеж».

А в семистах километрах отсюда, в голодной нетопленной Москве, Ленин пытается определить, в чем «суть Кронштадта», найти решение, которое спасет страну, спасет завоевания Октября.

Вот его комната в кремлевской квартире. Сцена пуста. Откуда-то доносится разразительный ленинский смех. Еще мгновение и входит Ленин.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

В. И. ЧЕСТНОКОВ в роли В. И. Ленина в спектакле «Между ливнями».

Фото Д. МОВШИНА

потому он заставлял себя прятать руки глубоко в карманы или закладывать их за проемы жилета. Во время споров Ленин — необыкновенно подвижный, энергичный — любил ходить по комнате. А это подчас отвлекало собеседника. Так от стремления сдержать свое желание двигаться появилась привычка Владимира Ильича расквашивать с пятки на носки.

Нелегко было мне овладеть и ленинской речью. Голос у Ленина звонкий, с хрипотцой, тенор. Мой голос более низкого тембра. Пробовал я говорить ленинским голосом. Вроде бы выходило похоже. Но играть спектакль не своим голосом невозможно, зрители сразу почувствуют фальшь. Я стал изучать и старался воспроизвести внутренние особенности речи Владимира Ильича — говорить четко, быстро, «подавая» важные слова.

Все, о чем я сейчас рассказываю, — это поиски элементов внешнего облика. Они необходимы. Но главное заключается в том, чтобы раскрыть внутреннее содержание образа, воплотить на сцене то представление о Ленине, которое сложилось в сердце и уме моем...

Так незаметно проделали мы длинный путь по Невскому и Старо-Невскому проспектам и остановились у высокого чугунных ворот. За ними — трехэтажный дом с белыми колоннами — боевой штаб нашей революции Смольный. А на постаменте, выбросив вперед правую руку, — Владимир Ильич Ленин.

Обычно при появлении Ленина в зрительном зале вспыхивают аплодисменты. Но Ленин—Честноков входит так быстро, так энергично принимается за дела, что зрители сразу оказываются вовлеченными в стремительный ритм ленинской жизни. Я вспомнила, как Владимир Иванович говорил, что его радует это отсутствие аплодисментов, которые только мешают ему, выбивают его из настроения. И при этом он тут же сослался на самого Ильича. Когда Ленин появлялся на трибуне, присутствующие разражались аплодисментами. Ленин быстро поднимал руку. Если зал не стихал, он вынимал часы и показывал — дорого, мол, время...

Итак, Ленин смеется. Его рассмешила чужая, напечатанная во французской газете, будто бы он «кушает кокоток в шампанском». Однако есть в этой газете сообщение посерьезнее: «Пушки дредноутов нацелены на Петроград». Это о Кронштадте. Что же там все-таки происходит?

Ленин ждет звонка из Питера. А тем временем мысли одолевают его, наскандывают одна на другую — о хлебе, о топливе, о «волянках», что прокатились по всей стране, о крестьянах...

Драматург А. Штейн поставил перед актером невероятной сложности задачу — Ленин все время один на один со зрителем, один на один со своими думами. Он произносит два длинных монолога — по двадцать, двадцать пять минут. И только актеры могут оценить, как это трудно!

Но Честноков приковывает к себе внимание зрителей. Он как бы приоткрывает дверцу в «святой святых», показывает, как рождается, созревает, кристаллизуется ленинская мысль. Внешне он очень сдержан, но внутренне предельно сосредоточен. И зритель захватывает напряженность, темперамент, экспрессию ленинского мышления.

Когда смотришь на Честнокова, как-то не хочется употреблять обычные в таких случаях слова: «хорошо играет», «создает образ»... Нет, артист не «играет» и не «создает», а живет на сцене. И в его исполнении понятным становится эпиграф, предпосланный пьесе драматургом: «Ленину было трудно, когда начинал. Трудно было в семнадцатом — когда брали власть. Трудно было в восемнадцатом, девятнадцатом, двадцатом — Каледин, Краснов, Деникин, Юденич, Колчак, Врангель, немцы, англичане, французы, американцы, японцы. Но труднее всего было — весной двадцать первого года».

Да, было очень трудно. Но Ленин победил в споре с самим собою, со своими бесчисленными оппонентами.

Победил героическим напряжением воли и ума, нашел единственно верный, продиктованный революцией выход — новую экономическую политику.

И артист показал нам эту победу.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ — «МОЙ ЛЕНИН»

И вот я снова встречаюсь с Владимиром Ивановичем Честноковым. На этот раз у него дома, в старинной квартире. Откинувшись в кресле, Владимир Иванович продолжает прерванный рассказ о Ленине, об образе, что сложился в сердце и уме артиста.

— Я сыграл Ленина в четырех пьесах и кинофильме. И всякий раз это была для меня новая работа, поиски нового образа. Снова и снова погружался я в материал, мучался, пытаясь понять состояние Ленина, его настроение, его отношение к данным конкретным обстоятельствам. Но всегда для меня были слиты воедино две стороны личности Ленина — вождь и человек. Мой Ленин для меня всегда и во всем был одновременно и вождем, и человеком.

Я никогда не видел Ленина. Но мне кажется, что я знаю о нем больше, чем о самом близком своем друге. Что же я больше всего ценю в Ленине? Ну, конечно, его гениальный ум, полет его всепроникающей мысли. Однако как художнику мне необходимо понять, на что употреблены эти исполнинские силы? И тут-то открывается самое дорогое для меня в Ленине — его любовь к людям, его вера в человека, его постоянная забота о человеке. Все, что он делал, он делал ради блага и счастья людей. Все, что он ненавидел, все, с чем боролся, было против человека. Недаром же Горький так верно назвал его «борцом против лжи и горя жизни».

Я прочитал очень много воспоминаний о Ленине. Некоторые авторы пытаются представить Ленина обыкновенным человеком, вроде бы ничем не выделяющимся среди окружающих. По-моему, это глубоко неверно. Присмотримся к людям, что живут рядом с нами. Ведь талантливый человек как-то сам по себе выделяется, мы все ощущаем его одаренность, его духовный потенциал. А Ленин был личностью гениальной. Да, он был прост, доступен, демократичен, ненавидел всякую позу, но от него исходило нечто, что я называл бы «током гениальности», и это чувствовали все, кто сталкивался с ним в жизни. Я убежден, что играть Ленина просто, по-бытовому нельзя. Эту роль надо играть так, как играем мы героические образы мировой драматургии, образы величайших героев, борцов. Я отнюдь не призываю «взять на котурны», но тут необходимо сделать самое трудное в искусстве — соединить возвышенное и повседневное, показать великое в обыкновенном.

Всякий раз, когда я в своем творчестве обращаю к образу Ленина, величие его личности раскрывается для меня в новом свете. Ленин всякий раз вновь поражает меня.

Так, работая над ролью в пьесе «Между ливнями», мы с режиссером Р. Сусликовым стали изучать сочинения Ленина, написанные в период подготовки X съезда партии.

Врага номер один видел Ленин в бюрократизме, который порождает равнодушие, безынициативность, безответственность и грозит потопить в бумажном болоте великие идеалы революции.

В страшный год, когда страна задыхалась от голода, разрухи, когда положение казалось совершенно безвыходным, Ленин не терял оптимизма. Но это не был казенный оптимизм. Это была глубокая непоколебимая вера в правоту своего дела. Потому Ленин никогда не скрывал от народа истинного положения вещей. Сила его была в правде.

Ленин предостерегал против торопливости, администрирования, подмены воспитания принуждением. Требовал доверия к человеку. Ибо только общество, состоящее из людей самостоятельно мыслящих, наделенных чувством ответственности за себя и за общее дело, понимающих смысл происходящего и цели борьбы, может прийти к коммунизму.

Мне думается, что, решая трудные проблемы сегодняшнего дня, нужно побольше читать Ленина, почаще обращаться к нему за помощью и советом.

Владимир Иванович берет со стола записную книжку и читает:

— «Положительный тип с головы до ног, чудо, как человек, и вместе с тем такой живой, такой живой, что и сейчас он еще самый живой по огромному влиянию, которое он вокруг себя распространяет». Так сказал о Ленине Луначарский. И это мне хочется воплотить на сцене. Мне хочется сыграть Ленина — веселого, мажорного человека, мечтателя, романтика, воинствующего оптимиста, полного неугасимой вражды к несчастью людей.

ЛЕНИНГРАД—МОСКВА